

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.38>

Сомин Игорь Дмитриевич

ОТ ГЕОПОЛИТИКИ К БИОПОЛИТИКЕ И СЕТЕВОМУ ОБЩЕСТВУ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОЕКТА "ИМПЕРИЯ"

Статья рассматривает феномен "империи" в философском дискурсе и процесс его перехода от политического понятия в философский концепт, являющийся отражением феномена биовласти. Показано, как взаимодействуют с этим образом радикально правый и левые дискурсы, используя его как источник духовного опыта или критикуя мировой капитал. Анализ понятия "империя" показывает, что из-за мощного скачка в развитии технологий акцент переносится с политической и духовной плоскости в область медиа и биополитики, которые выступают новыми инструментами сдерживания дискурса и должны быть подвержены тщательному анализу.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/11/38.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 202-207. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1; 321.01

Дата поступления рукописи: 15.09.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.38>

Статья рассматривает феномен «империи» в философском дискурсе и процесс его перехода от политического понятия в философский концепт, являющийся отражением феномена биовласти. Показано, как взаимодействуют с этим образом радикально правый и левые дискурсы, используя его как источник духовного опыта или критикуя мировой капитал. Анализ понятия «империя» показывает, что из-за мощного скачка в развитии технологий акцент переносится с политической и духовной плоскости в область медиа и биополитики, которые выступают новыми инструментами сдерживания дискурса и должны быть подвержены тщательному анализу.

Ключевые слова и фразы: империя; консервативная революция; геополитика; сетевая власть; биополитика; медиаимперия; национальное государство.

Сомин Игорь Дмитриевич

Санкт-Петербургский государственный университет

igor_somin@mail.ru

ОТ ГЕОПОЛИТИКИ К БИОПОЛИТИКЕ И СЕТЕВОМУ ОБЩЕСТВУ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОЕКТА «ИМПЕРИЯ»

*Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00826 А
«Политизация и деполитизация философии в контексте биополитики:
сравнительный анализ полемических дискурсов».*

Современный философ Славой Жижек в своей работе «О насилии» заявил, что мы живем в мире постполитической биополитики [3, с. 37-39], под которой мы понимаем состояние современной политики, преодолевшей старую идеологическую борьбу правых и левых и перешедшей на управление и администрирование, установив в качестве главной цели безопасность и благополучие общества в целом и каждого индивида в отдельности. Здесь мы склонны согласиться со словенским философом, ведь многие политические дискурсы – фашизм, консерватизм и традиционализм, радикальный неомарксизм – стали в век либерализма и прав человека ярлыками, которые вешают на своих оппонентов политики. Главным орудием постполитической биополитики стала политика «страха», цель которой – защитить субъекта от возможной реконфигурации его в жертву, страдающую от разгрома рода домогательств.

Актуальным данную тему делает тот факт, что все чаще обнажается нестабильность современного общемирового политического пространства, растут тенденции к актуализации и радикализации правого дискурса, связанные с ростом националистических настроений в обществе, которые подкрепляются как критикой политики мультикультурализма, с одной стороны, так и растущей социальной напряженностью, выраженной в масштабных политических протестах (например в маршах «желтых жилетов» во Франции), с другой стороны.

Современные глобальные процессы связаны с множеством проблем, например, с размыванием как государственных, так и культурных границ, выстраиванием радикальной оппозиции «свой – чужой», поиском внешних и внутренних врагов, новыми формами отчуждения. Для их решения необходим философский проект, который бы говорил о мире как о целом, учитывая различные культурные, экономические взгляды, отстаивая плюрализм систем. Таким проектом для нас будет выступать «империя», чей образ на протяжении XX и XXI веков активно использовался в радикальных левом и правом дискурсах.

Следует отдельно пояснить, чем этот проект для нас является. Империя – это не только сильная держава, объединяющая разные народности в единое государство с мощным политическим центром, но и специфический политический дискурс, а также формы и практики, позволяющие управлять населением с учетом традиций и ценностей повседневной жизни и культурной памяти. Империя – это во многом политический конструкт, чье существование реализуется благодаря знакам и образам, которые конституируют ее величие разного рода дискурсивными, дисциплинарными, символическими практиками. Несмотря на то, что эти методы очень древние и применялись еще в Римской империи, они активно использовались и используются в современных квазиимпериях, под которыми мы понимаем не только тоталитарные государства, но и гигантские промышленные и медиакорпорации, что лишний раз подчеркивает актуальность нашего исследования.

Что общего между традиционными империями и современными транснациональными организациями? В первую очередь, это абсолютная необходимость в каждую секунду своего существования удерживать стабильность себя как единого целого и устанавливать разные связи (социальные, экономические, политические), а также использование империалистского дискурса, чьим проводником в наше время выступает глобализация. Поэтому особый интерес для нас представляют интеллектуально-политические движения, которые либо оправдывали имперские амбиции, либо по-новому их осмыслили. Основными из них можно считать геополитику и консервативную революцию, которые занимают особое место в правом философском дискурсе, и концепцию Хардта и Негри в радикально левом дискурсе, ставшую объектом споров.

Отсюда вытекает **научная новизна** исследования: в последние годы выходит множество книг, посвященных консервативной революции и геополитике, появляются русскоязычные переводы данных авторов, как, например, в случае с Ф. П. Йоки, к которому мы обращаемся. Эти работы были в том числе своеобразной

реакцией на появление новых форм коммуникации, власти, вызванных научно-техническим прогрессом, интерес к изучению которых не только не угас, но и активно развивается в наши дни.

В нашем исследовании мы ставим **целью** продемонстрировать, как происходит переход от борьбы правого и левого дискурсов к тотальной биовласти, которая исключает и делает их невозможными, а также установить, какие практики и механизмы влияют на это. Для этого необходимо, во-первых, проследить ретроспективу и перспективу проекта «империи» в философском дискурсе, а во-вторых, разобраться с его новыми вариациями и формами, появляющимися в повседневности.

Миф о великой империи: политизация философии на правом фланге

В Германии, потерпевшей поражение в Первой мировой войне и подписавшей унизительный Версальский договор, лишивший страну некоторых земель, и испытывавшей масштабные политический и экономический кризисы, не могло не появиться интеллектуально-политическое движение, которое бы осмыслило произошедшее и предложило пути выхода из кризиса. Таковым стало движение консервативной революции, включавшее в себя таких видных деятелей, как братья Юнгеры, Освальд Шпенглер, Карл Шмитт, Артур Мёллер ван ден Брук и другие. Армин Молер, автор первой работы, посвященной данному движению, разграничивая консервативную революцию и национал-социализм Гитлера [7], пришел к выводу, что сторонники этой парадигмы выходили за пределы прошлой консервативной мысли, отстаивая идеи особого духа, который, например, в трактовках Шпенглера и Мёллера ван ден Брука вполне мог мыслиться как «Рейх», то есть новая империя, выходящая за пределы национального государства.

Философ Освальд Шпенглер, автор работы «Воссоздание Германского рейха», отмечал, что государство после поражения в войне должно строиться на традиционных немецких ценностях, например, на идее свободы [10, с. 76]. Для этого следует уничтожить в людях навязанные марксизмом циничные представления [9, с. 127], которые следует заменить честолюбием и долгом. Схож с ним в идеях и Мёллер ван ден Брук, называвший империю «Абсолютом» [6, с. 364], достичь которого можно через несовершенство. Философ отдельно отмечает роль консерваторов в этом достижении: только они верят, что Германия состоит из близких им по духу людей, которые, выдержав все испытания, актуализируют империю. Потерявшие свою страну люди, сплотившись физически и духовно, возьмут реванш, так как никакие внешние силы не смогли бы сломить дух, сломив материальную оболочку. Воссоздание государственного единства возможно через коллективность, народное тело, так как «индивидуализм не имеет никакой подъемной силы» [Там же, с. 189].

Однако параллельно с идеями консервативной революции появилось еще более радикальное движение – геополитика, интересы которого были тесно связаны с разрушением пространства, а также с темой империи как возврата и собирания территорий воедино. Геополитика, во многом предвосхищенная и подготовленная европейским романтизмом, национализмом, гегельянством и неогегельянством, в основе своей содержит:

- 1) идею нации как коллективной личности;
- 2) идею конечных целей истории;
- 3) идею происхождения и существования нации по принципам некоего социального неодарвинизма, сложившегося после появления теории происхождения видов, согласно которой побеждают сильнейшие; неодарвинизм переносит на человеческое общество то, что свойственно природе: человек – животное, слабейшие погибают, сильнейшие выживают;
- 4) идею нации как целостности, которая больше суммы её отдельных представителей. Отсюда примат коллектива, государства над индивидом.

Основоположниками геополитики считаются Фридрих Ратцель, Рудольф Челлен и Карл Хаусхофер. Фридрих Ратцель – немецкий географ и социолог, называл высшей формой развития не нацию, а государство: борьбу за место под солнцем ведут именно государства, нации являются лишь их душой, которые их оформляют, земля же выступает плотью. Получается некоторое тело, и каждое государство для своего тела стремится создать наилучшую форму, которая определяется границами, безопасностью, довольствием нации, экономическими условиями, территориями, которые бы обеспечивали населению максимальное благополучие. Государство выступает конкретным субъектом, а его индивиды – объектами. Государство как субъект обязано обладать собственным эго, которое заключено во всех населяющих его людях, в волениях отдельных личностей и их предков.

Немецкий военный и географ Карл Хаусхофер, как и многие другие немцы, был шокирован результатами Первой мировой войны, поэтому мы можем рассматривать его геополитику как реакцию на сложившуюся ситуацию. Основываясь на трудах Ратцеля, он строит свою концепцию несколько шире, выходя за пределы нации и рассуждая о конкретном доминировании народа в мире с позиции силы, поскольку после того, как Германия потеряла часть своих территорий и колонии, необходимо было пересмотреть вопрос о границах во что бы то ни стало: «Никто не знает сегодня, идет ли дело к новой, третьей империи, столь горячо и страстно желаемой и ожидаемой многими» [9, с. 17]. Новая власть должна была встать на страже немецкого народа, «ибо империя должна иметь границы, которые она способна защищать собственными силами!» [Там же]. Для Хаусхофера естественное состояние – это война, конфронтация, выражение борьбы за жизненное пространство, мир в его постоянной нестабильности, что также олицетворяется противостоянием морских и континентальных держав. Призыв Хаусхофера – вернуться к прошлому, к тому моменту, когда Германия была великой, собирала земли и вела экспансию. Философия геополитики ведет к тому, что не политик управляет страной, а сама земля диктует человеку политику через тесную связь почвы и крови.

Но все же желание заявить о величии нации – не открытие геополитики. Еще в XIX веке, в 1807 году, крупный немецкий философ Иоганн Готлиб Фихте после наполеоновских войн и оккупации Пруссии Францией

в своих лекциях – речах к немецкой нации – выдвинул идею человека, который может преодолеть конечность и смертность, стать вечным в своей сущности. Потеряв политическую независимость, народ не должен быть захвачен пораженческими настроениями, в тяжелое время благодаря вере в свои духовные силы он должен раскрыть самую настоящую духовную и кровную общность – нацию. Философия же должна развить ее и воспитать, образовать новую общность.

Империя как коллективная воля государства проявляет себя в личности. Так, например, Джованни Джендиге, итальянский мыслитель и теоретик итальянского фашизма, утверждал, что государство – «это не орган примирения эгоистических волей, а его закон – не только граница, кладущая предел индивидуалистическим устремлениям, как полагала позитивистская социология» [Цит. по: 11, с. 25]. Как мы уже говорили, государство – это воля нации, из своего самосознания оно берет силы, поэтому для философа фашизм был верным путем, который отвечает «глубоко историческим и национальным потребностям» итальянского народа и является «возвращением к духу Рисорджименто» [2, с. 31] (национально-освободительного движения против иноземного господства).

В связи с геополитикой интересны идеи американского политического мыслителя Фрэнсиса Паркера Йоики, который писал о столкновении Востока и Запада. В работе «Imperium. Философия истории и политики», которую он опубликовал в США под псевдонимом Улик Варандж, мы можем проследить фактически политический манифест. Йоики, впитавший в себя теории Освальда Шпенглера, Карла Шмитта и Карла Хаусхофера, видел масштабную деградацию западного мира: «...после того как завершает себя высокая культура, население ее бывшей территории возвращается в первобытное состояние, о чем свидетельствуют примеры Индии, Китая, Ислама и Египта» [1, с. 127]. Такую судьбу он предрекает и Западу: «...брошенные мировые столицы снова поглощаются ландшафтом, над которым они некогда возвышались. Эти столицы, в свое время столь же величественные, как Берлин, Лондон и Нью-Йорк, зарастают джунглями или заносятся песком пустыни» [Там же]. Миссию западного человека он заключает в идею реализации своего внутреннего политико-культурного императива и построения европейской империи. Важнейшим звеном в его рассуждениях является фактор идеи, служения великой цели и культуре, так как без этого человек является лишь биологическим видом. Человек должен быть частью высокой истории, рисковать всем и погибать за великую идею. Без идеи нет и империи, она быстро разрушается и погибает, не оставив следов. В качестве примера он приводит империи Чингисхана и Наполеона. Первая имела огромные масштабы, но в культурном плане была слаба и бессмысленна, вторая же несла в себе огромный импульс и, несмотря на то что просуществовала короткое время, заложила гигантский культурно-символический потенциал в умы людей, который остается актуальным до сих пор и который был прародителем будущего Запада. Любой народ хотел бы быть великим, поэтому всякая мелкодержавность стремилась стать империей, «идея которой была столь сильна, что никакая внутренняя сила не могла надеяться на успех в противоборстве с ней» [Там же, с. 179]. Роль западной цивилизации видится автором в осуществлении ей всемирной судьбы, связанной с реализацией абсолютного империализма: «Запад отбрасывает материализм и готовится к своему последнему большому заданию: созданию западного единства культуры-государства-нации-рода-расы-империи как основы для реализации своего внутреннего императива абсолютного империализма» [Там же, с. 408].

Рассматривая США, Йоики делает вывод, что Америка не в состоянии еще решать задачи по построению империи, так как она удалена от политического мира и слишком сильно полагается на технологический прогресс, в то время как, по словам автора, «первостепенным, как и всегда, является дух» [Там же, с. 516]. Для реализации имперских задач нужен исторический опыт, но и его нет у Соединенных Штатов. Пацифистская пропаганда и интеллектуальная посредственность блокируют возможность появления имперского мышления.

В это же время Европа находится в упадке, озаменованном двумя мировыми войнами, которые Йоики напрямую связывает с политикой, считая, что сами по себе войны лишены идеи и мотивации и исключительно обеспечиваются политикой. Однако этот упадок должен подстегнуть Европу, заставить ее осознать свое единое основание [Там же, с. 532], на котором может и должен возникнуть «Империиум» – инстинкт западной культуры, который сохранил в себе идеи прошлого, выработанные культурой. Только через возвращение к «сверхличным корням» и духовным истокам возможно вновь воскресить западную культуру, завоевать умы и души, а после вылиться в новые формы власти. Освобождение души невозможно без актуализации идей эпохи абсолютной политики, среди которых авторитет, дисциплина, ответственность, долг, порядок, государство и иерархия – это идеалы новой западной империи. Эти идеи американского мыслителя консервативного толка близки к идеям итальянского консерватора, мистика и философа Юлиуса Эволя, чья фигура воина [11] вбирает в себя все эти идеалы абсолютной политики.

Основные методы решения проблем в периоды кризиса правый дискурс видит в обращении к духовному опыту нации, который подкреплен мечтами о великой империи как о будущем горизонте.

Процессы перехода

В наше время после кризиса метанарративов, провозглашенного Жан-Франсуа Лиотаром, в западном обществе превалирует культурная экспансия или же идеологическая, как, например, идея прав человека или же идея американской демократии, где проекты, описанные нами выше, считаются неприемлемыми. Наступила эра либерального империализма. Пути его развития могут проследиваться как через прямое навязывание (что, впрочем, может вызывать отторжение), так и через soft power (пер. с англ. – «мягкая сила»). Этот процесс становится тем, что в современном мире называют глобализацией.

Благодаря чему развивается этот процесс? Развитие постиндустриального общества ведет к укрупнению рынка, который, разрастаясь, размывает границы и суверенитет всех национальных государств и который,

по словам М. Хардта и А. Негри, «принял новую форму, образованную рядом национальных и наднациональных органов, объединенных единой логикой управления» [8, с. 11], – это новая форма власти, которая претендует на тотальность и не имеет никаких ограничений. Новый порядок власти не аннексирует и не присваивает себе территории, он включает их в свою сеть. Это «устраняет» политику, например, в понимании ее Карлом Шмиттом, в которой существует совершенно определенное различие на «друга» и «врага». На ее место приходит «империя» – совершенно новое самостоятельное философское понятие, сформулированное в одноименной работе американца Майкла Хардта и итальянца Антонио Негри.

Свою концепцию они строят на марксистском наследии, связывая его с концепцией «биовласти» и «биополитики» [Там же, с. 36] Мишеля Фуко. «Империя» Хардта и Негри – это, в первую очередь, всемогущий капитал, ставший тотальностью, обладающий безграничностью. В эпоху постмодерна он с помощью контроля, биополитики и своего сетевого устройства сминает старые порядки и упраздняет суверенитеты. Империя выходит из старой оппозиции «центр – периферия», лишается центра и субъекта, становясь всепоглощающей субстанцией, которой нет дела до политической борьбы. Этот всепоглощающий характер, по словам философов, уже завершил эпоху империализма времен модерна, который нельзя назвать классическим империализмом, например, в ленинском варианте. Если раньше империализм одного государства занимался эксплуатацией своих колоний и сталкивался с империализмом другого государства, то сейчас «империя» полностью включает в себя все пространства, работая на уровне планетарного масштаба. Все границы прошлого уходят в небытие, им на смену приходит сетевая власть, которая включает в себя демократические и имперские идеи: «...идея суверенитета как склонной к экспансии сетевой власти держится на соединении принципа демократической республики с идеей Империи» [Там же, с. 161]. Империя в понимании Хардта и Негри представляет собой модель сетевой власти. Ее основными положениями становится включение пространств в общую систему безопасности и свободного рынка, подкрепленное развитием информационного общества. Теперь нет целей насильственной ассимиляции – империи просто достаточно включить «другого» в себя. Нет смысла уничтожить его или переформатировать – пространство максимально открыто, позволяя внедряться в него, что и делает современную империю актуальной и безальтернативной. Проследивая генезис этого состояния, можно сказать, что империя не просто возникла с чистого листа, а актуализировала и абсолютизировала логику буржуазного и капиталистического общества. Используя язык Гегеля, Негри и Хардт называют Империю «благом в себе, но не для себя» [Там же, с. 53]. Ее создают жаждущие власти массы, Империя не появляется по собственной воле, поэтому возникает способность Империи разрешить разного уровня конфликты, так как Империя – это не только тоталитарные и всемогущественные силы, но и безопасность, «возможность представить эту силу залогом права и мира» [Там же, с. 29]. Через международные организации и транснациональные корпорации, а также репрессивный аппарат контроля – «спектакль» [Там же, с. 58], – реализованный через СМИ и легитимизирующий сам себя, Империя получает контроль над трудом и капиталом. Это ответ на трудности и кризисные моменты, возникшие в начале XX века, когда борьба левых сил, находясь в зените, взывала к интернациональной революции. Ответным действием на эти интенции стало создание Империи. Особую роль авторы отводят транснациональным корпорациям, которые финансируют современный биополитический мир через организацию труда: «...они напрямую структурируют и соединяют территории и население. Они стремятся к тому, чтобы превратить национальные государства всего лишь в инструменты учета приводимых в движение транснациональными корпорациями потоков товаров, денег и населения» [Там же, с. 43]. Именно поэтому эпоха государственного суверенитета и наций уходит на второй план: капитализму не нужны границы, ему нужно имперское открытое пространство. Формирование современной Империи не сводится к порабощению, а работает по типу «включения». Империя, выступая аполитичной и децентрализованной, становится империей мирового капитала.

Инструменты перехода

В XX-XXI вв. технологии уже шагнули далеко вперед, и теперь мы можем говорить о пространстве сетей и их власти, о чем пишут вышеупомянутые Майкл Хардт и Антонио Негри. Исходя из вышесказанного, можно увидеть, как империя распространяется с помощью сетей, будь то христианство [5, с. 659] или же какие-то крупные компании, которые в обществе принято называть «империями».

Главным проводником этих процессов можно назвать технику. В повседневности власть широко пускает свои корни в умы людей благодаря торжеству именно информационных технологий. Раньше управлять толпой или массой было гораздо сложнее, ведь не было прямой коммуникации с ней, однако с появлением книгопечатного станка, открытием радио и телеграфа, изданием газет, возникновением телевидения и, особенно в сегодняшние дни, торжеством Интернета и компактных электронных девайсов, которые люди повсюду носят с собой, стала возможна прямая и мгновенная коммуникация потенциально с каждым пользователем социальных сетей.

Власть тщательно камуфлируется в медиапространстве, что позволяет ей незаметно вторгаться в наше личное пространство, манипулировать сознанием и изменять его. Здесь прослеживается прочная связь с техникой, ведь в постиндустриальном мире мы, пожалуй, зависим от нее больше, чем она от нас. Даже победу Трампа на выборах президента США многие напрямую связывают со значительно возросшей в обществе ролью Твиттера и Фейсбука, которую бывший бизнесмен и его команда смогли умело использовать в интересах своей кампании.

Большой вклад в изучение сетевого общества внес Мануэль Кастельс, который в своей работе «Власть коммуникации» рассуждает о политических процессах, утверждающих себя через медиа. В его концепции существует несколько типов власти: власть сетей, сетевая власть, внутрисетевая власть, сетевобразующая

власть [4, с. 69]. Будучи разными, они все же имеют возможность влиять на создание новых парадигм. В век развитых информационных технологий технические средства устанавливают тотальный контроль, именно Интернет становится идеальным паноптикумом: невидимый наблюдатель по ту сторону экрана выступает идеальным надзирателем, ведь мы не знаем, когда он обратит внимание на нас; он моделирует наше поведение, образ и дискурс, а мы вынуждены принимать правила игры. Также Интернет становится огромным «архивом»: в нем мы можем найти информацию о человеке, зная лишь минимальный набор данных, а с недавних пор нам и вовсе достаточно лишь его образа, отпечатанного в фотографии, благодаря которому мы можем найти человека по внешним данным. Любая транзакция не может остаться незамеченной, а любая информация, лишь однажды попавшая во Всемирную сеть, уже навряд ли сможет исчезнуть оттуда бесследно, ведь, согласно фразе, уже ставшей крылатой, «кэш Гугла помнит всё». Социальные сети вроде Фейсбука знают о своих пользователях столько личной информации, сколько порой не знают даже их ближайшие друзья и родственники. С помощью этих процессов очень просто фильтровать дискурс и навязывать его.

Другой идеальный паноптикум – сеть камер наружного наблюдения, ведь сейчас массовое видеонаблюдение достигло своего апогея. Камера – идеальный надзиратель, поэтому к современному обществу применима метафора «общества наблюдения», или тотального надзора. Так, например, массовые беспорядки в Лондоне и других городах Англии в 2011 году запомнились миру не своими разрушениями, а операцией Withern, в ходе которой полицейские несколько месяцев отсматривали записи с уличных камер видеонаблюдения, а также проанализировали многочисленные фотографии с участниками погромов на популярном в то время сервисе Flickr. В результате десятки людей были арестованы за участие в уличных беспорядках лишь спустя три-четыре месяца.

Еще одним примером может выступать Китай, в котором с помощью электронной системы распознавания личностей через лица хотят создать «рейтинг общественной надежности». Власти используют искусственный интеллект как для борьбы с инакомыслием, так и для контроля за человеческими телами. Можно вспомнить недавнюю новость о том, как китайских дворников снабдили электронными браслетами, которые следили за перемещениями трудящихся. Но если эту практику можно расценивать как практику дисциплинарного общества, то в европейских странах и США в ходу браслеты другого толка, так называемые фитнес-трекеры, отслеживающие шаги, пульс, сон и много других показателей человеческого тела. Они вошли в обиход современных людей недавно, но уже стали довольно модными и популярными девайсами, с помощью которых осуществляется контроль над человеческим телом, который можно назвать одной из практик биополитики.

Заключение

Итак, изучив работы авторов «консервативной революции» О. Шпенглера и Артура Мёллера ван ден Брука, одного из ярких геополитиков Карла Хаусхофера, еще малознакомого русскому читателю американца Фрэнсиса Паркера Йоки, можно смело заявить о том, что для правых сил империя выступает достижимым идеалом, тем, что следует культивировать как оппозицию либерализму и либеральным силам. В их понимании империя – это то, что может открыть новую точку сборки для общества. В оппозиции с правым дискурсом нами был рассмотрен труд современных философов марксистского толка «Империя» Майкла Хардта и Антонио Негри, который выводит проблематику империи на совершенно иной уровень. Для этих мыслителей империя выступает понятием, концептом, с помощью которого они описывают современный мир. Для них «Империя» уже существует здесь и сейчас, она – капитал, который с помощью сетевой власти и биовласти распространился в планетарном масштабе.

Следующим шагом для нас становится сетевобразующая власть, которая хорошо контролируется рядом больших компаний или корпораций. Возможно, медиаимперии – именно та форма, которая лучше всего репрезентирует феномен империи в условиях современности. Способность влиять на повестку дня, с огромной скоростью распространять нужную информацию, вести борьбу за умы – все это становится новой властью и новой реальностью, конструирующей мир вокруг нас. Медиаманат, сосредоточивший в своих руках четвертую власть, по сути есть новый правитель, император, собирающий в своем медиaprостранстве различные массы людей, но в таких империях нет реальной политики, но есть лишь система сдерживания и фильтрации дискурса.

Список источников

1. Варандж У. (Йоки Ф. П.) Imperium. Философия истории и политики / пер. с англ. СПб.: Русский мир, 2017. 554 с.
2. Джентиле Дж. Введение в философию / пер. с итал., вступ. ст., коммент., указатель А. Л. Зорина. СПб.: Алетейя, 2000. 470 с.
3. Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. 184 с.
4. Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие / пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
5. Марков Б. В. Люди и знаки. Антропология межличностной коммуникации. СПб.: Наука, 2011. 667 с.
6. Мёллер ван ден Брук А. Миф о вечной империи и третий рейх: монография. М.: Вече, 2009. 368 с.
7. Молер А. Консервативная революция в Германии 1918-1932. М.: Тотенбург, 2017. 312 с.
8. Хардт М., Негри А. Империя / пер. с англ. под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М.: Праксис, 2004. 440 с.
9. Хаусхофер К. О геополитике: работы разных лет. Границы в их географическом и политическом значении. Панидеи в геополитике. Статус-кво и обновление мира. Континентальный блок / пер. с нем. И. Г. Усачева. М.: Мысль, 2001. 428 с.
10. Шпенглер О. Воссоздание Германского рейха: монография. СПб.: Владимир Даль, 2015. 223 с.
11. Эвола Ю. Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. М.: АСТ, 2007. 445 с.

**FROM GEOPOLITICS TO BIOPOLITICS AND NETWORK COMMUNITY:
TRANSFORMATION OF THE “EMPIRE” PROJECT**

Somin Igor' Dmitrievich
Saint Petersburg University
igor_somin@mail.ru

The article considers the “empire” phenomenon in the philosophical discourse, analyses the process of its transformation from a political notion into a philosophical concept representing the phenomenon of bio-power. The author shows how radical right-wing and left-wing discourses interact with this image using it as a source of spiritual experience and as a basis for criticism of global capital. The analysis of the “empire” concept shows that due to a powerful technological leap, the accent is shifted from political and spiritual planes to the sphere of the media and biopolitics, which come out as newly emerged instruments to restrain discourse and should be thoroughly analysed.

Key words and phrases: empire; conservative revolution; geopolitics; network power; biopolitics; media-empire; national state.

УДК 1/14+001.18

Дата поступления рукописи: 09.09.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.39>

Статья раскрывает понятия «трансгуманизм», «трансчеловек», «эра сингулярности», «цифровое бессмертие», «религиозность» в свете трансгуманизма. Целью статьи является анализ основных положений трансгуманизма с точки зрения религиозной составляющей. В настоящее время трансгуманистическое общество предлагает комплекс фундаментальных альтернатив, призванных заменить все известные традиционные представления в области философии, религии, политики. Лишь «транслюди» с оккультными синкретическими воззрениями, «загруженные в компьютер», получают право жить в новой реальности.

Ключевые слова и фразы: трансгуманизм; трансчеловек; эра сингулярности; религиозность; движения New Age.

Хвастунова Юлия Викторовна, к. филос. н., доцент
Горно-Алтайский государственный университет
hvastunovoy@mail.ru

**РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ТРАНСГУМАНИЗМА
В СВЕТЕ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Все чаще не только в научных кругах, но и на уровне широкой общественности звучат идеи и постулаты трансгуманизма. Они становятся более прозрачными, безапелляционными и настораживающими. Глубокий анализ идей, высказываний, терминологии и методов трансгуманизма выявляет их очевидную двойственность: версия трансгуманизма для элиты (посвященных в настоящие задачи проекта) и для остального населения (профанов). **Актуальность** исследования заключается в том, что, во-первых, в современном мире нельзя игнорировать ряд процессов, которые имеют влияние на все виды обществ и культур; во-вторых, амбиции трансгуманистов таковы, что для полной реализации проектов требуются вовлечение всего населения, учет каждого человека, внедрение во все слои общества; в-третьих, трансгуманистические технологии предполагают трансформацию не только тела, но и психики, сознания, настаивая на симбиозе ранее несовместимых (по самым разным основаниям) систем, в частности человека и машины, человека и животного, человека и человека с машиной и т.п. **Целью** статьи является раскрытие трансгуманистического учения путем анализа основных идей основоположников и их программ на предмет религиозных взглядов авторов, религиозных (окультиных, духовных) интерпретаций природы самого человека, мира и общества. Отсюда **задачи** статьи определяются, во-первых, необходимостью анализа самих работ, программ и тезисов наиболее известных авторитетных ученых в данном движении. Во-вторых, вопреки отрицанию самих трансгуманистов, необходимо показать наличие религиозной составляющей трансгуманистического учения; в-третьих, на примере раскрытия ряда основных понятий – «эра сингулярности», «трансчеловек», «райская инженерия», “paradise engineering” (конструирование рая) – выявить двойное прочтение (научное и религиозное), далекое от традиционных официальных заявлений и представлений о природе человека и мира на примере конкретных коммерческих проектов, в частности на примере крионической фирмы «Алькор». **Научная новизна** данной статьи состоит в раскрытии основных идей трансгуманизма через его трактовку и применение высоких технологий с точки зрения религиозной (окультиной, нью-эйджевской “New Age”) доктрины, которая в современном обществе приобрела черты массового оккультизма (популяризация идей оккультизма посредством синтеза высоких технологий и старых окультиных представлений) через теорию сверхчеловека, «постчеловека/трансчеловека», рекламу и внедрение райской инженерии со всеми вытекающими «благами» для общества. Однако за красивой афишей стоят вполне конкретные программы, планирующие не только глобальную трансформацию, гибридизацию и мутацию человека, но и возможное его исчезновение (ликвидацию).

Трансгуманизм – это комплексное движение, которое развивается одновременно в нескольких направлениях и имеет как теоретическую базу, так и практические проекты и программы на коммерческой основе.